

На тот берег / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

На тот берег / рассказ НА ТОТ БЕРЕГ

Мы с мамой сошли на «Лагерях» и пошли по кривой, виляющей между сосен, тропинке. Можно было проехать до села, но там, говорят, так затопило, что надо было надевать резиновые по колено. А у пионерских лагерей снег только начинал осаживаться.

– Ольга, а если сейчас дойдем до моста, а там лодку еще не пустили? Чего делать-то будем?!

Я услышала в мамином голосе смешливую нотку и поняла, что нечего волноваться, мы что-нибудь обязательно придумаем. Не может быть, чтобы моя мама не нашла выхода из любого положения. Сейчас я понимаю, что юной маме было тогда всего двадцать пять лет, а она уже мне казалось такой мудрой и опытной. С двенадцати лет она ходила вместо матери на ферму, когда та не успевала управиться по хозяйству, доила по двадцать коров руками. К девятнадцати годам они стали сильными, натруженными, но не потеряли трогательной женственности за счет длинных пальцев и округлых, удивительной формы ногтей.

Я старалась скорее вступить в мамин след, пока он не наполнится талой водой. Под покрытым настом снегом уже бежали ручьи, зеленела новая трава. Это было такой игрой – я прыгала по маминым следам, которые она оставляла своими модными сапогами – чулками. След квадратного каблучка врезался до самой земли.

Вековые сосны раскачивались под самыми белыми облаками, а молоденькие сосенки и ели махали нам своими зелеными лапами, на которые налип большими катухами талый снег. Лес мы быстро прошли и вышли в поле, овраги уже наполнились водой. Молодая ивовая поросль вся серебрилась на солнце, лоснясь от белых

пушистых комочков соцветий.

– Мам, я промокла! – сообщила я радостно.

– Ну что же теперь делать? Баушка печку уж натопила, сейчас все в печурку поставим, быстро высохнет.

Я была одета совсем по-зимнему. На ногах серые валенки с черными, блестящими галошами. Шарф, которым мама обматывала меня под меховым воротником ватного пальто, я тихонько сняла и спрятала в карман, отчего он сильно надулся, зато было не так жарко. Под шапку мне повязывали тонкий ситцевый платок. Его мама сама разрешила снять, теперь он лежал в другом кармане.

Мы уехали в город, к тете Люсе, неделю назад. Было еще морозовато. А возвращались домой в родную деревню уже весной. В автобусе нам сказали, что деревянный мост через Колокшу снесло, сегодня вроде должны были пустить лодку. Если не пустят, то придется прыгать по льдинам.

– Мам, а сейчас можно гулять в резиновых?

– Можно, дай до дома дойти. А то еще назад в город поедem, пока лодку не пустят.

Мне хотелось в деревню, меня уже заждался Джек, бабушка точно его привязала, а он страшно не любит сидеть на цепи. Он свободу любит, бегает со мной на воле. Зимой на горке, пока я лечу на санках, его рыжую морду обдаёт снежной пылью, которая с искрами взмывается за полозьями, а он бежит за мной, догоняет, перепрыгивает через меня с санками. Санки подбросит на кочке, я – в одну сторону, санки – в другую. Пока я выберусь из сугроба, а он уже санки за веревку мне притянет, тыкается мордой в мокрую варежку: бери, мол, санки, побежали на горку еще кататься. А летом будет на речку со мной ходить. Джек особенный – он не боится воды, любит купаться, я его со щенка к этому делу прирастила. Он даже нырять умеет. Я на рыбку с берега, а он – за мной. Все удивляются!

– Только бы лодку пустили...

За этими мыслями я не заметила, как мы подошли к реке. Берега совсем уже были без снега, зацвела вся старая ива, молодая верба белая, в пуху, а старая, развесистая плакучая ива покрылась зеленым цветом, который уже начал распространять дурман, стелящийся дымкой над водой, зажужжали над ней пчелы. Солнце на глазах становилось жарче, в реку рванули с шумом ручьи. Льда осталось мало, но все-таки, то там, то здесь несло сильным течением серые льдины, похожие на острова, на некоторых клочьями прицепилась прошлогодняя трава, сорванная с берега.

Колокшу было не узнать. Спокойная, узкая река превратилась в разливанное море, вода дошла почти до нашего Юрина. Я с радостью обнаружила привязанную к старой свае лодку, ее качали языки зеленых волн.

– Кто этот год перевозит? Чай, Витька Калакуцков. И нет его нигде, на водку уже получил, в Бабаево побежал, – рассуждала сама с собой мама.

Мы везли гостинцы. Две большие, круглые банки селедки иваси без голов. Ливерную колбасу кольцами кошкам и собаке, но мы с мамой ее очень любили и сами. В кулинарии мама купила «побаловаться» триста грамм жареной, крупной мойвы. Еще два кулька – в одном мятные пряники, в другом – песочное печенье, рассыпчатое, свежее, только с кондитерской фабрики. Два батона и две буханки, потому что в магазин в Юрине его никто нам не привезет, пока не сойдет половодье, и мужики не сколотят новый деревянный мост. Мы поставили сумки, вышли на проталину, обколотили ноги от снега, расстегнули пальто, от нас шел пар.

– Гляди, не простыла бы, сейчас тепло обманчивое, – мама всегда волновалась за меня.

Мне было приятно стоять рядом с ней, пока она никуда не спешит, не бежит за водой, в огород, топить печку, стирать. Она всегда была чем-то занята. Единственная возможность прижаться к ней, взять за руку – это в бане, пока она трет

меня лыковой мочалкой, или на остановке, пока ждем автобус. Поэтому когда на дороге возник темный силуэт между деревьев, я не сильно обрадовалась.

– Вон, идет! Только бы не пьяный был, теченьем унесет тогда аж на ту деревню, – волновалась мама.

Так мы называли Малое Юрино – «та деревня». Мама козырьком сложила ладонь, прищурилась.

– Нет, это не Витька...

Потом ахнула и осевшим голосом добавила:

– Ольга, отец твой перевозит. О, идет вразвалку. Ну, дочка, бери сумочку свою, пойдем, – мама говорила на «о», по старинке.

Все дяди и тетка уехали, кто – во Владимир, кто – в Москву, и давно уже акали. А мне нравилась наша напевная, округлая, неспешная речь.

С отцом мы уже не жили целый год, он стал сильно выпивать, бывало, что озоровал, разрезал мамины кружевные комбинации из ревности, а однажды развалил печку по причине того, что некуда дурь было деть – так объяснила это бабушка.

Он узнал нас, походка стала еще более развязанной, кепка на глазах, руки в карманах отцовых галифе, телогрейка приспущена с плеч, в углу рта – «Беломор». От солнца он щурился, от углов глаз расходились лучиками мелкие морщинки, на полных губах – ухмылка.

– Ну чего, девки, прокатить вас? – спросил он, приблизившись.

– Ты давай не хулигань. Ребенка повезешь.

– Да не бойся ты, довезу чин чинарем.

Он спустился к лодке, стал ее медленно отвязывать, а сам на мать смотрит, прищурился одним глазом. Лодку стало бросать, он ее с силой вытянул мысом на берег.

– Иди, садись!

Мы взяли сумки, стали спускаться. Я отвыкла от отцовых сильных рук. Когда он подхватил меня, дух замерло. На всю жизнь я запомнила запах отцовой телогрейки, от его рук пахло сладкой махоркой. Опустил он меня в лодку, было весело пробираться на заднюю лавку, от бортиков пахло смолой, над водой стоял пар. Отец протянул матери руку, она вдруг так игриво на нее оперлась, он рванул ее на себя, она взвизгнула и засеменила в его объятия. Тяжелые, сонные шмели кружились над лодкой, садились на борт, потом снова с шумом, тяжело взлетали. Мне хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно.

Но все шло своим чередом, и мама вступила в лодку, та начала раскачиваться.

– Ты садись здесь, не ходи далеко, будешь вычерпывать, лодка не просмолена как следует с того года, – предупредил отец.

– Ничего удивительного, у тебя все так!

Отец только хмыкнул, сел на корму, достал из кармана квадратик пожелтевшей бумаги.

– Он еще курить собрался, – мама тоже достала газетный лист, вынула его из сетки, развернула и постелила на лавку, прежде чем сесть.

Отец наблюдал за ней прищуренными глазами. Прищур вообще был ему характерен. Он как-то не смотрел на мир широко распахнутыми глазами, а всегда через прищур.

– Ну, королева! Была королевой ей и останешься! Газетку она стелет!

Мама поправила платок, повязанный на манер «аленушки» на начесанную высокую прическу. Она всегда выглядела как кинозвезда. Если галоши, то с каблукком, всегда с прической, даже на двор, к коровам. Бабушка ей шила из дешевого ситца платья по последней моде, сама мама искусно вязала, я всегда ходила в ажурных кофтах и платьях. Когда она все успевала?

Отец заломил на затылок кепку, толкнулся с силой ногой от берега, быстро сел лицом к нам, начал одним веслом разворачивать лодку. Было и страшно, и весело. Рядом с матерью и отцом страх перед большой, бурной водой казался игрой.

– Ну ты не рассиживайся, вон ковшик бери, черпай! – сказал он матери.

Лодка действительно стала наполняться водой. Мама склонила набок прижатые друг к другу округлые колени, наклонила голову, из-под платка стали выбиваться накрученные локоны. Она на ночь всегда накручивала волосы на железные бигуди и прищипывала их резинкой. То, что у мамы совершенно прямые от природы волосы, я узнала уже будучи подростком.

Отец поднимал весла, откинув корпус назад, а сам не сводил с мамы глаз. Нас сносило течением, от этого мне становилось еще веселее.

– А ты поскорее гребь-то, ты погляди, нас так на поворот снесет, а у нас с Ольгой сумки.

– Чего ты переживаешь, и сумки поможем отнести! А мне, может, покататься с тобой охота!

– Ты, давай, не озоруй, гребь к берегу!

– Гребь! – передразнил ее отец и захохотал.

Улыбка у него была ослепительной – белоснежные зубы на фоне загорелого лица, искры карих глаз. Он чем-то напоминал цыгана, иссиня-черные волосы вились на затылке и висках.

Для меня разлив Колокши всегда был приключением. В этом году я не видела самого главного, как начинает идти лед, трещит по ночам, ухают льдины, закручиваются водой, как белые медведи медленно движутся они караваном куда-то за поворот. Я представляла себе их жизнь, слышала, как они режут друг на друга, натыкаются, дерутся, ласкаются и трутся о берега. Потом они сносят деревянный мост, уносят его с собой, оставляют нашу деревню отрезанной от мира. Магазин у нас в деревне есть, поэтому соли, муки, спичек, постного масла всегда хватает до

того момента, как сделают мост. У нас в Юрине три школьника, они ходят учиться в Бабаево, потому что нашу школу закрыли. Они всегда страшно рады разливу, потому что не надо учиться. Этим летом мне купят форму, первого сентября и я пойду в школу, поэтому на кусочке обоев, лежа зимой на русской печке, я уже тренировалась и писала мамамам, папапапа, не умея во время остановиться. Считала четыре буквы, чтобы получилось. И рядом обязательно – Оля. Первые в жизни написанные мной три слова красовались и на старом кирпиче на печной лежанке, я их нацарапала огрызком «простого» карандаша.

Развод матери и отца я восприняла как данность. Маме я доверяла безоговорочно: надо, значит надо. Скандалы становились все чаще, отец уходил в запой, прогуливал работу, приходил с разбитой губой, в разодранной рубашке.

– Танька, его водка сгубила. Когда тверезый и избу намоет, и щей наварит. А вон, робенку како платье новогоднее сшил, – причитала бабушка.

Но тверезым отец бывал редко.

– Вовка, у тебя лодка худая вся, как ты перевозишь? – маме приходилось все чаще и чаще зачерпывать воду.

Отец выплюнул самокрутку, бросил весла, нас стало разворачивать.

– Ты чего делаешь? Дурак, что ли?

– А кто же я? Дурак дураком и уши холодные! Может, нам тут всем и того. А?! – сказал и подмигнул.

Мама встала, цепляясь за края лодки стала пробираться к веслам, отец схватил ее за талию, усадил к себе на колени.

– Ну чего? Будем сходиться?

– Будем, будем, миленький, Вовка, ну гребь, пожалуйста, к берегу! – взмолилась мама. – Ольга, проси папку, чтобы греб!

– Ну гребь, а, папа, – я уже отвыкла произносить это слово, мне потребовались усилия.

Но было мне все равно не страшно. Да пускай нас унесет хоть за поворот, хоть до самого города, хоть до Москвы! Но отец взялся за весла, сделался серьезным и уже ни слова не проронил до самого конца нашего пути. Последнего нашего совместного в жизни пути. Больше ни разу я не увижу мать рядом с отцом, а меня рядом с ними обоими.

Отец стал так истого грести, что мы стремительно стали приближаться к берегу, который был уже почти у крайнего дома. В какой-то момент лодка села на мель. В этом месте из воды торчала высокая былина. Отец выпрыгнул из лодки, на нем были высокие сапоги, брюхо лодки цеплялось за траву, он волоком дотащил нас до самой суши, где был вбит кол.

Откуда-то налетела серая, прямо-таки зимняя туча, посыпался крупный снег, весны как не бывало. Отец был еще мрачнее этой тучи. Мне казалось, что сейчас мы втроем пойдем домой, бабушка уже нажарила картошку, мы достанем селедку, а вечером будем смотреть телевизор «Рекорд», когда начнется кино, в самый ответственный момент пойдет рябь по экрану, отец начнет что-то крутить, колдовать, снова начнет показывать.

— Почем берешь?

— Десять копеек с человека, вас двое, вот и считай.

Мама достала из сетки кошелек, расшитый бисером — последний писк моды. Высыпала мелочь на ладонь. Пока она соображала, отец уже лихо оттолкнул лодку, на том берегу уже стояли люди.

— Деньги-то!

— Не мелочись! — ответил отец и даже не повернулся.

Я смотрела на его удаляющуюся спину. В какой-то момент он повернулся, наши взгляды встретились. Никакого прищура, никакой улыбки. Его полные губы как-то скорбно изогнулись.

— Давай, Ольга, бери сумку, пошли, мне еще корову доить.

— Мам, я тебе помогу.

— Поможешь-поможешь...

.....

Этот год половодье было таким, что затопило крайний дом. Но оно быстро сошло, наступили жаркие дни. С середины апреля уже выгнали скотину. Деда позвал председатель помочь с мостом. Четверых наших парней забрали в армию, три семьи переехали в город.

– Дядь, Кость, пособи, а? Тебе особого делать ничего не надо, будешь парадом командовать, – уговаривал председатель. – Ну и получишь, копейка не лишняя.

С раннего утра, как только поднималось солнце, от реки доносились веселые звуки топоров. Дед был плотником, руки у него были золотые. Зимой он подшивал валенки, строгал на своем маленьком верстачке около печки, я за ним сверху, с лежанки наблюдала.

Когда мост был почти готов, по улице с криками побежал народ, до меня только донеслось:

– Вовка с моста оборвался!

Я поняла сразу, что отца больше нет. Я вспомнила его взгляд, последний взгляд, теперь я понимала, что он был какой-то обреченный.

Вечером его выловили у березы. Когда хоронили, у него было такое лицо, словно он просто заснул. Дед рассказывал, что отец пришел на работу сильно выпимший, он тоже калымил каждый год на мосту.

– Я ему говорю, Вовка, ступай домой, проспишься, придешь. У нас уж все сделано. Куда там... Ну и полез подпиливать доски... какой? Сроду мы их там не подпиливаем, красоту наводить захотел. Ну и оборвался, не утоп бы, если его не кинуло на сваю головой. Да еще выпимший. А течение-то сильное. За ним нырнули сразу двое – Витька с Саньком, но не успели тело догнать, вода ледяная, долго не продержишься... ну и все...

Много лет, когда я ходила по мосту, украдкой клала на него букетик полевых цветов, в воде отражались отцовы глаза, качались на волнах. Потом через Колокшу сделали бетонный мост, но разливов таких больше никогда не было.

Об авторе: ОЛЬГА БОТКИНА

Прозаик, журналист. Родилась в деревне Юрино Владимирской области, окончила факультет журналистики МГУ, работала в области рекламы, сейчас работает журналистом в районной газете родного города. Neкаýalar